

УДК 329

Фоменков А.А.

Филиал Сочинского университета туризма и курортного дела
в г. Нижний Новгород

**ДЕЛО В.К. СМИРНОВА-ОСТАШВИЛИ И КРАХ ОБЩЕСТВА
«ПАМЯТЬ» В СССР В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ**

A. Fomenkov

*Nizhniy Novgorod Branch of Sochi State University
for Tourism and Recreation*

**V.K. SMIRNOV-OSTASHVILI CASE AND THE FAILURE
OF "PAMYAT" SOCIETY IN THE YEARS OF PERESTROIKA**

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования общества «Память» в эпоху перестройки. Выявлены причины раскола организации и последующего её краха. Особый упор сделан на судебном процессе над лидером одного из ответственных общества «Память» В.К. Смирновым-Осташвили. Выявлены субъекты, заинтересованные в усилении интереса к данному процессу. Проанализированы возможности ряда политических акторов управлять процессом демонизации общества.

Ключевые слова: Общество «Память», перестройка, русский патриотизм, сионизм, масонство, КГБ, пропаганда.

Abstract. The paper is devoted to "Pamyat" society functioning during the Perestroika years. The causes of split and the following crash of the society have been revealed. The main emphasis is laid on the legal process over V.K. Smirnov-Ostashvili who was one of "Pamyat" leaders. The individuals who were interested in strengthening the interest in this process have been found. The abilities of several political actors to manage the process of demonization of "Pamyat" Society have been analysed.

Key words: "Pamyat" Society, perestroika, Russian patriotism, Zionism, freemasonry, KGB, propaganda.

Нет никаких сомнений в том, что всякая революционная или предреволюционная эпоха ассоциируется с каким-либо значимым судебным процессом. Один из крайних полюсов политического процесса «перестройки», по нашему мнению, как нельзя лучше отождествляется с делом Владимира Константиновича Смирнова-Осташвили (1936–1991).

В.К. Смирнов-Осташвили работал наладчиком вакуумного оборудования в НИИ московского завода микроэлектроники «Сапфир». В 1980-е годы (точная дата неизвестна) он вступил в общество «Память», объединявшее лиц, декларировавших свои русские патриотические убеждения. После раскола в 1986–1987 гг. «Памяти» В.К. Смирнов-Осташвили возглавил один из «осколков» движения – «Союз за национально-пропорциональное представительство «Память»». Его идеи сводились к необходимости жёсткого соблюдения принципа доминирования этнических русских во властных структурах. При этом требовалось «максимально сократить присутствие этнических евреев», а также их жён и мужей не только в органах государственной власти, но также в науке и культуре [14, 2-4]. Пропагандировал свои взгляды В.К. Смирнов-Осташвили в основном в московском сквере на Пушкинской площади, причём зачастую одновременно с В.И. Новодворской, выступавшей поблизости перед своими сторонниками из Демократического Союза [15, 5].

Именно В.К. Смирнов-Осташвили оказался причастным к самому громкому скандалу, связанному с обществом «Память». В данном случае имеется в виду инцидент в Цен-

тральном доме литераторов 18 января 1990 г., широко (хотя и не всегда точно) освещавшийся в прессе. Суть происшедшего такова: движение «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки») проводило День свободного микрофона в Центральном доме литераторов (Москва, ул. Герцена, ныне Большая Никитская, д. 53). Поскольку в ЦДЛ в те годы действовал строгий пропускной режим, вахтеры требовали, как правило, предъявить членский билет, – то данное обстоятельство позволило идейным противникам «Союза», возглавляемого В.К. Смирновым-Осташвили, из числа журналистов, публично предположить следующее. По их мнению, «патриоты» проникли в здание при покровительстве партийного руководства или милиции.

Как показывают доступные нам источники, всё было проще: демократический «Апрель» всегда настаивал на том, чтобы на его мероприятия в ЦДЛ свободно пропускали «людей с улицы» [2, 7]. Этот вопрос как раз был предметом трений между «Апрелем» и администрацией ЦДЛ. 18 января 1990 г. по случаю «дня свободного микрофона» в здание пускали всех. Как и все, совершенно свободно, вошли в помещение рабочий К.В. Смирнов-Осташвили и около тридцати его сторонников (численные показатели расходятся в описаниях существенно – от упоминаний о шести соратниках Смирнова-Осташвили в газете «Московские новости» [10, 2] до восьмидесяти в книге М. Дейча и Л. Журавлёва [4, 9]). Эти визитеры развернули в зале плакаты антисемитского содержания: «Долой сионизм!», «Апрель! Кто ваш спонсор?», «А.Н.Яковлев! Москва – не Тель-Авив, Верховный Совет – не кнессет, КПСС – не херут!», «Демократия – для народа, сионизм – вне закона!», «Друзьям Израиля – не место в Верховном Совете СССР!» [2, 7]. Лозунги по своей тональности и содержанию мало чем отличались от клича «Долой Тель-Авидение!», ставшего известным после пикетирования 19 февраля 1989 г. членами «Памяти» Останкинского телецентра [12, 146].

Как писал обозреватель газеты «Панорама» В.П. (возможно, Владимир Прибыловс-

кий), занимавший сторону деятелей «свободного микрофона»: «сообразив, что за гости их посетили, писатели-демократы (а пуще – писательницы-демократки) нелицеприятно стали выражать свое мнение по поводу плакатов: «К нам фашисты пожаловали!», ««Память» – это фашизм!» и т. п. А литературный критик Наталья Иванова сказала: «Пока фашисты не уйдут – вечер не начнём!» В ответ на «фашистов» Константин Осташвили вынул из сумки мегафон и сказал: – Ах, Вы русских – фашистами называете? ...» [2, 7].

Начавшийся скандал закономерно перерос в драку. Непосредственные зачинщики потасовки так и не были установлены. Согласно свидетельствам сторонников демократической прессы, кто-то из последователей К.В. Смирнова-Осташвили (позднее было высказано предположение, переросшее затем в убеждение, что им являлся люберецкий журналист Евгений Луговой) выкрикнул: «Сегодня мы пришли с плакатом, а завтра – с автоматом!». Известный демократ Юрий Щекочихин, вспоминая этот инцидент, заявлял, что «Память» собирается прийти в ЦДЛ с автоматами 5 мая, то есть в День печати. Оговоримся, что видео- и аудиозаписи не зафиксировали высказываний, которые могли быть инкриминированы как нарушение советского законодательства.

Для большей объективности в освещении событий приведём цитату из текста противников К.В. Осташвили: «Драки как таковой всё-таки не произошло, но у писателя А. Курчаткина смахнули на пол и раздавили очки, а Булату Окуджаве попытались вернуть за спину руку. Милиции в ЦДЛ обычно полным-полно, но на этот раз её как ветром сдуло. Когда же [их] позвали в зал, они ограничились увещеваниями, даже не попытавшись отнять у Осташвили мегафон. В конце концов они вывели Осташвили из здания и отпустили на все четыре стороны» [2, 7].

Дальнейшие события развивались следующим образом: Смирнов-Осташвили, судя по всему, не был готов к тому, что станет обвиняемым на суде, да и арестовали его далеко не сразу после потасовки в ЦДЛ, а лишь

летом 1990 г. [16, 47] и до ареста он свободно давал интервью журналистам различных СМИ [13, 6]. Процесс по делу о событиях в Доме литераторов шёл с 24 мая по 12 октября 1990 г. в Севастопольском районном суде Москвы. При этом «в течение полугода о процессе пишет пресса всего мира» [11, 379].

Возникает вопрос о случайности или неслучайности проявленного мировой общественностью интереса к инциденту, происшедшему 18 января 1990 г., – в самом деле, полгода информировать читателей о вполне интеллигентской потасовке довольно-таки странно, тем более что в 1990-м г. в СССР проходили куда как более кровопролитные события (в первую очередь в Закавказье). К тому же «титовские» этнорадикалы в союзных и автономных республиках выражали своё отношение к евреям в ещё более жёсткой форме. Так, «в мае 1990 г. произошёл погром евреев и армян в Андижане. ... Начиная с февраля того же года, вандалы несколько раз оскверняли еврейское кладбище в Ташкенте. На массовых митингах Народного фронта Азербайджана в 1989 – 1990 гг. звучал лозунг «Без евреев и армян, процветай, Азербайджан!». В акциях Народного фронта Молдовы в тот же период звучит ксенофобский лозунг «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр!» [8, 144].

Следующий важный аспект, связанный с делом В.К. Смирнова-Осташвили, – обвинение было выдвинуто по ст. 74 УК РСФСР, то есть за нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии. Отметим, что данная статья, несмотря на довольно частые издержки «дружбы народов», применялась в СССР крайне редко [1, 37]. Многие жители СССР (среди них был, кстати, и Б.Н. Ельцин [6, 24]) искренне думали, что эта норма Уголовного кодекса не работает в Советском Союзе совсем. Тем не менее фигурант дела был осуждён и приговорён к двум годам лишения свободы в колонии усиленного режима. Разумеется, антисемитизм К.В. Смирнова-Осташвили несомненен, однако фразу, то ли произнесённую 18 января 1990 года, то ли приписанную

идеологическими противниками по совокупности предыдущих «заслуг», равно как и разбитые очки (кстати, возможно, не самим лидером «Памяти») вряд ли следует признать деянием, соответствующим указанному приговору. Ведь по той же самой статье не были осуждены в 1990-м г. и позже ни организаторы погромов в Сумгаите, ни участники массовых бесчинств в Баку и Фергане – событиях куда как более страшных и кровавых (к тому же и с национальным подтекстом!), нежели хулиганская выходка в ЦДЛ [5, 189]. С другой стороны, всякий, кто ждал погрома (причины находятся в диапазоне от простого обывательского любопытства до прямой политической заинтересованности), организованного обществом «Память», его дождался.

Не следует, разумеется, в данном случае пытаться установить истинных режиссёров событий в ЦДЛ по принципу «qui prodest?» В самом деле, во-первых, было немало сил, заинтересованных в нагнетании социальной напряженности. К таковым можно причислить как внешние силы, так и внутренние. К первым можно отнести американский истэблшмент (было на руку любое событие, расширяющее ситуацию в стане противника по холодной войне – СССР). Ко вторым – КГБ (дискредитация русофилов как потенциально самостоятельного политического актора); советских специалистов по купле-продаже недвижимости (если начнётся бегство евреев и либерально настроенной общественности за границу, то появится возможность по дешёвке скупать недвижимость в мегаполисах); дельцов теневой экономики, занимающихся обменом валюты (спешно уезжающие из страны готовы продавать рубли почти по любому курсу); становившуюся на ноги оргпреступность (возможность пожить за счёт двух вышеперечисленных категорий); вставших на преступный путь советских чиновников, сотрудников МВД и таможни (появляется возможность увеличить суммы взяток, которые отъезжающие неминуемо заплатят). Можно, разумеется, утверждать, что только первые три из вышеперечисленных инстанций действительно могли способство-

вать сначала усилению интереса к обществу «Память», а затем его демонизации, в то время как остальные имели возможность лишь активно пользоваться сложившейся ситуацией. Вместе с тем наличие возможностей и заинтересованности отнюдь не означает, что именно так и обстояло дело в реальности, тем более что каких-либо документальных доказательств в пользу виновности КГБ и руководства США (равно как их совместных действий в этом направлении) не имеется.

Представляется также, что ситуация с В.К. Смирновым-Осташвили могла развиваться по следующему сценарию: сначала нагнетается обстановка вокруг в общем-то маргинального общества «Память» (была даже резолюция Европарламента с обращением к руководству СССР с требованием запретить деятельность организации [3, 6]), причём сам будущий фигурант громкого дела ровным счётом никого тогда ещё не интересовал, к тому же его никто в общем-то и не знал, за исключением узкого круга лиц. Затем, когда ситуация накалилась до предела (в 1990 г. дела обстояли именно таким образом), демократическая общественность потребовала наказать членов данной организации. Учитывая, что негативная информация о деятельности «Памяти» стала известна далеко за пределами страны спускать раз за разом дело «на тормозах» в 1990 г. для власти уже не представлялось возможным. Указанное обстоятельство объясняется зависимостью от западного общественного мнения, так как нельзя было допустить ухудшения в целом положительного имиджа советского руководства и, прежде всего, М.С. Горбачёва. Нужен был показательный процесс над экстремистами, причём осудить следовало лидера. Возможно, осуждёнными могли стать Д.Д. Васильев, В.Н. Емельянов, И.С. Сычёв или кто-либо иной, возглавляющий организацию под названием «Память». Но в поле зрения попал именно В.К. Смирнов-Осташвили. Не исключено, что наказания за события в ЦДЛ в большей степени заслуживал кто-либо из боевиков [4, 18] (степень физической и иной подготовки боевиков также выходят за рам-

ки исследования, однако совсем не исключено, что таковые были куда как ниже, нежели у начинавших активно формироваться в то время многочисленных ОПГ), однако для наказания экстремистов и обуздания антисемитизма требовалось посадить на скамью подсудимых именно главу организации, а не рядового члена.

Как выяснилось, К.В. Смирнов-Осташвили оказался практически «идеальным» обвиняемым. Во-первых, он не был революционером-подпольщиком и не собирался уходить «в бега», да и вообще, судя по всему, был уверен в своей неуязвимости [9, 16]. Во-вторых, будучи человеком простодушным и открытым [7, 251], он активно продолжал тиражировать свои убеждения даже в зале суда, вызывая порою весьма неоднозначную реакцию своими требованиями сообщить национальность всех участников процесса, а также их родителей [4, 99]. В-третьих, лидер «Союза за национально-пропорциональное представительство «Память»», видимо, не до конца понимал, что ему грозит – в самом деле, антисемитские выступления он практиковал и раньше, до ЦДЛ, тайны из своих убеждений не делал, но наказания за них не нёс. Кроме того, потасовка была незначительной, и только за участие в ней вряд ли можно было получить срок, связанный с лишением свободы. Сам приговор – два года колонии – вряд ли соответствовал тяжести содеянного, однако и не являлся максимально строгим, предусмотренным статьёй 74 УК РСФСР. Таким образом, цепь имевших место ранее событий вместе с казусом, ставшим известным благодаря либеральным СМИ, привели к громкому судебному процессу, в котором подсудимый сыграл отнюдь не главную роль (скорее, он вообще, сам того не осознавая, являлся лишь статистом).

В целом же процесс Смирнова-Осташвили очень характерен для эпохи перестройки и схож с рядом важных её лозунгов (например, «новое политическое мышление», «больше демократии – больше социализма» и т. п.). Отметим также, что многие события конца 1980-х гг. в СССР, равно как и процесс

по делу К.В. Смирнова-Осташвили, оказались в реальности крупными информационными поводами в общемировом масштабе с крайне незначительными конечными результатами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барихновская, Е. Обзор правоприменительной практики Санкт-Петербурга по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 74 УК России / Е. Барихновская // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М.: НИПЦ «Мемориал», 1993.
2. В.П. // Панорама. 1990. № 8(20).
3. Васильев, Д.Д. Я русский и делаю русское дело / Д.Д. Васильев. Воронеж: ООО «Пресса ИПФ», 2009.
4. Дейч, М. «Память» как она есть / Марк Дейч, Леонид Журавлев. М.: МП «Цунами», 1991.
5. Дёмин, В. Вечные революционеры / В. Дёмин // Наш современник. 1990. № 9.
6. Ельцин, Б. Записки президента: [размышления, воспоминания, впечатления...] / Борис Ельцин. М.: РОССПЭН, 2008.
7. Кох, А. Ящик водки: [диалоги о жизни на фоне исторических реалий 80–90-х годов] / Альфред Кох, Игорь Свиноаренко. М.: АСТ, 2009.
8. Маркедонов, С. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства / Сергей Маркедонов. М.: Московское бюро по правам человека, 2010.
9. Млечин, Л. Наш Хорст Вессель / Леонид Млечин // Новое время. 1991. № 19.
10. Московский дневник // Московские новости. 1990. 28 янв.
11. Новейшая история отечественного кино. 1986–2000. Кино и контекст. Т. V. СПб.: Сеанс, 2004.
12. Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991: Сборник материалов / Сост. О.Н. Ансберг, А.Д. Марголис. СПб.: Серебряный век, 2009.
13. «Осторожно: знакомый цвет». Интервью с одним из лидеров движения «Память» Константином Смирновым-Осташвили // Мегаполис-экспресс. 1990. 24 мая.
14. Программа Союза за национально-пропорциональное представительство «Память» // Память (Новосибирск). 1992. № 3(26).
15. Титов, А. Осташвили зовёт Новодворскую / Александр Титов // Завтра. 1996. 29 окт.
16. Хроника // Новое литературное обозрение. 2007. № 84.